

На правах рукописи

КУДРЯВЦЕВА Анна Юрьевна

Коран как источник по изучению
материальной культуры Аравии рубежа VI–VII вв.

07.00.07

Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Е. А. РЕЗВАН

Санкт-Петербург
2018

Диссертация выполнена в Международном центре исламских исследований ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Научный руководитель: Резван Ефим Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты: Пиотровский Михаил Борисович, доктор исторических наук, академик РАН, профессор, директор ФГБУК Государственный Эрмитаж, декан Восточного факультета ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

Селезнёв Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского филиала ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск), доцент ФГБОУ ВО Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск)

Ведущая организация ФГБУК Российский этнографический музей

Защита диссертации состоится 27 декабря 2018 года в 11:00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан ноября 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук

М. Е. Резван

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На протяжении вот уже 1500 лет сотни и сотни миллионов людей считали и считают текст Корана не просто «прямой речью» Господа, обращённой к каждому из них через века, но и особым «кодом», раскрывающим прошлое и предсказывающим будущее. Важно, что до нас дошла расшифровка одновременно и экстатического, и рассудочного «голосового сообщения» – откровения, полученного Мухаммадом. Успех проповеди Мухаммада напрямую зависел от выразительности и постижимости образов, содержащихся в ней. Именно поэтому Коран является абсолютно уникальным и исключительно важным историко-литературным памятником.

Актуальность проблемы. Результаты исследования способствуют выявлению целого ряда фактических материалов, важных для понимания особенностей социокультурных процессов, охвативших Аравию накануне и в ходе возникновения ислама и во многом сформировавших его первоначальный облик. В итоге мы можем приблизиться к новому уровню понимания текста Корана, важного не только в историко-научной сфере, но и играющего существенную роль в области современной политики и идеологии. На исследование указанной проблематики существует и научный, и общественный запрос, поскольку Коран сохраняет свою актуальность для общественно-политических явлений, происходящих сегодня в мире ислама.

Объектом исследования является текст Корана, важнейшего исторического источника и литературного памятника одного из переломных периодов в истории Ближнего Востока, когда происходил процесс становления общеаравийских государственных институтов, завершался важный этап этнической консолидации аравийских племён, возникала новая идеология, объединившая вскоре многие миллионы последователей.

Предметом исследования является повседневная жизнь Аравии рубежа VI–VII вв., а также совокупность социокультурных процессов, протекавших в обществе оседлых центров Аравии накануне возникновения ислама.

Задачи и цель диссертации:

1. Выделение и анализ содержащихся в тексте Корана лексико-семантических групп (ЛСГ), связанных с тремя важнейшими областями материальной культуры жителей Аравии рубежа VI–VII вв.: одежда, жилище, система обеспечения (природно-хозяйственная деятельность и питание)¹.

2. Выявление функциональных значений терминов, составляющих выделенные ЛСГ.

3. Историко-этнографический анализ тех ареалов аравийской повседневности, которые нашли своё отражение в выделенных ЛСГ.

4. Научное обеспечение работы по созданию нового документированного словаря и перевода Корана, основанных на результатах изучения языковой среды Аравии рубежа VI–VII вв., без привлечения исламской экзегетики, в значительной степени навязывающей нам значения, возникшие в другом месте и в другую эпоху.

Хронологические рамки исследования охватывают период с V по VII вв., когда в Аравии формировались предпосылки, так или иначе способствовавшие зарождению новой религиозно-политической системы и становлению мусульманского государства (собственно текст Корана был произнесён между 610 и 632 гг. главным образом в Мекке и Йасрибе).

Географические рамки определяются территорией Исторической (Большой) Аравии (от средиземноморского побережья современных Сирии, Ливана, Израиля на

¹ Не менее важные области, связанные с торговлей и обслуживанием транспортных коридоров, а также с грамотностью и материалами письма в этой работе не рассматриваются, т. к. в настоящее время являются объектом исследования Е. А. Резвана.

севере до побережья Аденского залива и Аравийского моря на юге, от Красного моря на западе до Приевфратья и побережья Персидского залива на востоке).

Методология исследования. В основе использованных подходов лежат методы палео- или исторической этнографии. Важнейшими источниками здесь являются лингвистические, ономастические и археологические материалы, письменные свидетельства прошлых веков, в том числе и документы, созданные наблюдателями, соприкасавшимися некогда с интересующими нас социоисторическими общностями. Материалы этих источников способствуют не только воссозданию особенностей одного из исчезнувших социоисторических организмов, но также и более глубокому изучению переломного этапа развития общества, которое продолжает существовать, т. е. у исследователя в принципе возникает возможность проследить эволюцию культуры и социальных отношений. Более того, феномен длительного сохранения в Аравии глубоко архаичных элементов материальной культуры и хозяйственной деятельности позволяет использовать методики полевых экспедиционных исследований.

Лексика Корана является ценнейшим источником по этнографии повседневности Аравии рубежа VI–VII вв. В основе исследования лексики лежит принцип «Коран объясняет сам себя», при котором выполняется сравнительный контекстный анализ лексико-семантических групп языка Корана на основе сопоставления с языковым материалом эпохи. Комплексный подход, используемый в работе, реализован в рамках принципов и методов коранической этнографии, научного направления, обоснование которого принадлежит Е. А. Резвану². Реализация целей и задач исследования была бы невозможна без привлечения теоретического и фактологического инструментария коранической археологии, концептуальные основы которой были сформулированы М. Б. Пиотровским (см. ниже).

В школе «Анналов» (фр. *École des Annales*) ряд подходов, использованных в нашей работе, называется изучением ментальностей, в марксистской традиции – социальной психологией, психологией масс. Широко употребляется также термин «историческая антропология».

Настоящая работа предполагает применение метода культурного релятивизма, который даёт возможность исследовать культурную вариативность с позиции «народа», равно как и интерпретативного подхода, одной из основ которого является объяснение этнических феноменов с позиции самих представителей культуры. Стандартом в работе с письменными историческими источниками являются приёмы герменевтики, необходимые для реконструкции и истолкования текста, а также в поиске мотивов и настроений исторических персонажей.

Поскольку Аравийский полуостров – это место тысячелетнего взаимодействия и взаимопроникновения различных культур Северо-Восточной Африки, Передней Азии и Среднего Востока, для предпринятого исследования безусловно полезным является инструментарий диффузионизма.

Согласно подходу А. Редклиффа-Брауна и Б. Малиновского, культура представляет собой вещественный и духовный аппарат, «при помощи которого человек решает конкретные, специфические стоящие перед ним задачи»³. В этом отношении в работе используются и методы функционализма, позволяющие, например, отслеживать то, как обычаи и традиции обретают иные функциональные значения. Текст Корана, складывавшийся параллельно с развитием пророческой деятельности Мухаммада (от гонимого проповедника до главы государственного образования, практически объединившего всю Аравию), предоставляет исследователю материал, позволяющий наблюдать насыщение старых понятий новым содержанием.

² Резван Е. А. Кораническая этнография: методологические подходы и источники // Этнография / Etnografia. 2018. № 1. С. 87–118.

³ Malinowski B. A scientific theory of culture and other essays. New York: Oxford University Press, 1960. P. 39.

Для описания и понимания представленных в Коране явлений кочевой среды, большое значение для нас имеют теоретические проекции полевого метода антропологии движения, разработанного А. В. Головнёвым⁴.

Степень изученности темы. Библиография по истории возникновения ислама насчитывает десятки тысяч томов, при этом повседневная жизнь Аравии рубежа VI–VII вв. остается практически неисследованной, хотя первое сочинение, затрагивающее эту тему, было издано еще в 1897 г.⁵ Спустя 70 лет оно легло в основу диссертационного исследования Э. Хойптнер⁶, ученицы Р. Парета. Однако её труд так и не был опубликован.

Как за рубежом, так и в России создавалось множество трудов, в которых рассматриваются отдельные элементы интересующих нас проблем. Наиболее значимые отечественные научные разработки принадлежат И. Н. Винникову, К. С. Кашталёвой, П. А. Грязневичу, О. Г. Большакову, М. Б. Пиотровскому, М. А. Родионову, Е. А. Резвану, Л. В. Негре⁷. Среди западных коллег наибольший интерес представляют работы, связанные с комплексным международным проектом “Corpus Coranicum”.

Что касается истории изучения лексики Корана, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что в тяжелейшие послереволюционные годы К. С. Кашталёва (1897–1939) сумела разработать основы используемого нами метода выявления и анализа лексико-семантических групп в тексте Корана, намного опередив своё время.

Сегодня очевидно, что для научного подхода к переводу текста Корана необходимо знание этнографии повседневности Аравии, данные анализа коранической терминологии и археологии. При этом значительный объём материалов, в той или иной степени связанных с повседневной жизнью Аравии времён пророка, до сих пор не систематизирован и не исследован комплексно.

Источниковая база. Исследование основано в первую очередь на историко-филологических методиках и подходах, и фундаментальное значение для нас имеют источники письменные: прежде всего Коран, доисламская поэзия, аравийская эпиграфика, «Аййām ал-‘араб», «Сйра» Ибн Исхāқа, «Сахйх» ал-Бухārй. Отдельного внимания заслуживают материалы коранической археологии. Интерес представляют и профильные музейные коллекции, материалы экспедиционных выездов, тексты европейских путешественников по Аравии XVIII – начала XX вв., а также данные смежных наук – этноботаники, этнозоологии и др.

Корпус поэтических текстов, принадлежащих четырём поколениям поэтов конца V – середины VII в., играет первостепенную роль в изучении аравийской языковой среды времён пророка, а значит и в адекватном понимании текста Корана как историко-этнографического источника.

В работе использованы произведения, приписываемые более чем пятидесяти авторам VI–VII вв., принадлежавшим к племенным объединениям, прежде всего, Внутренней Аравии, а также Хиджāза и Тихāмы, Приевфратья, юга полуострова и западного побережьем залива. Они вели и городской, и кочевой образ жизни, являлись племенными вождями разного уровня, военными предводителями, изгнанниками, придворными, исповедовали язычество, христианство, иудаизм, становились сторонниками «лжепророков» и принимали ислам. По своему статусу доисламские поэты принимали участие во всех основных политических событиях, их образ жизни

⁴ Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009; *он же*: Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.

⁵ Jacob G. Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert. Berlin: Meyer & Müller, 1897.

⁶ Haeuptner E. Koranische Hinweise auf die materielle Kultur der alten Araber: inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades einer Hohen Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen: Fotodruck Präzis, 1966.

⁷ Одной из важнейших в этом отношении стала работа: Грязневич П. А. Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 75–155.

предусматривал продолжительные странствия. В этом отношении они принадлежали всей Аравии. И к концу жизни пророка аудиторией Корана была вся Аравия во всём многообразии образа жизни, занятий и верований её жителей, так или иначе представленная в дошедших до нас образцах поэтического творчества. Подробнее о поэтах, чьи произведения использованы в работе, см. *Приложение 1*.

Долгое время Внутренняя Аравия оставалась белым пятном на археологической карте Ближнего Востока. Лишь в последние 50 лет здесь международными усилиями были предприняты крупные исследовательские программы. Интереснейшие находки были впервые представлены миру в рамках выставочного проекта «Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии». Ключевым результатом этого проекта стало появление концепции коранической археологии, впервые сформулированной М. Б. Пиотровским⁸. Для нас важно, что значительную роль в археологическом изучении юга Аравии сыграли отечественные специалисты, получившие полевой опыт в рамках работы Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Работы М. Д. Бухарина можно рассматривать уже как аналитический этап в археологическом изучении Аравии.

Важную роль в исследовании сыграли визуальные материалы, собранные автором и его коллегами в ходе трёх полевых выездов 2017–2018 гг. на Аравийский полуостров, которые наряду с результатами настоящего исследования станут частью готовящейся в МАЭ публикации, посвящённой материальному миру Корана.

Научная новизна исследования состоит в получении с помощью новейших методов антропологии и этнологии, а также и последующем анализе комплекса историко-этнографических материалов, характеризующих развитие общества оседлых центров Аравии в ходе социокультурных процессов, определивших зарождение ислама. В теоретическом отношении проблематика диссертации определяется концепцией коранической этнографии.

Использование заявленных подходов и методов позволило подойти к воссозданию элементов «картины мира» слушателей пророка через анализ характерных для Аравии изучаемого периода территориальных единиц и типов поселений, типов одежды и жилищ, важнейших элементов социальной и хозяйственной организации, специфики методов водоснабжения, земледелия и садоводства, роли разных типов животных в хозяйственном обороте, системы питания. В диссертации эти сюжеты были исследованы комплексно и во взаимосвязи друг с другом.

Теоретическая и практическая значимость. Предлагаемая работа призвана дать более конкретное представление о формировании историко-культурных предпосылок зарождения ислама, предоставить независимые свидетельства, позволяющие в ряде случаев оценить и уточнить характер явлений, происходивших в Аравии накануне возникновения новой религиозно-политической системы. Результаты, полученные в рамках методов коранической этнографии, помогают в выяснении смысла коранических текстов, поскольку реконструируют исторический фон их возникновения, и представляют собой этап в работе над документированным словарём к Корану в рамках подготовки нового академического перевода этого памятника.

Апробация и степень достоверности исследования. Исследование было реализовано в рамках международного исследовательского проекта “Corpus Coranicum Petropolitana”⁹. Его основные результаты были изложены в докладах на российских и зарубежных конгрессах, конференциях и семинарах. В частности научные разработки были представлены на XI сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций»

⁸ Пиотровский М. Б. Кораническая археология... С. 40–47; *он же*. Новое открытие Аравии // Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии: каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 13–40.

⁹ См.: Corpus Coranicum Petropolitana. URL: http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/islam/corpuscoranicum_petropolitana/ [дата обращения: 01.10. 2018].

(Родос, Греция, октябрь, 2013), на международной научно-практической конференции «Развитие науки, образования и культуры независимого Казахстана в условиях глобальных вызовов современности», посвящённой 70-летию Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Шимкент, Казахстан, 2013), на XXVII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. „Традиционализм“ и „Революционизм“ на Востоке» (СПбГУ, 24–26 апреля 2013 г.), на международных научных конференциях “Early Islamic History & the Origins of the Qur’ān Conference” (Хельсинки, Финляндия, 6–8 сентября 2013 г.), “Paleo-Qur’anic Manuscripts: State of the Field” (Будапешт, Венгрия, 4–6 мая 2017 г.), а также на Радловских чтениях МАЭ РАН (СПб, 26 февраля – 1 марта 2018 г.).

Важнейшие положения, изложенные в диссертации, представлены в трёх главах монографии / учебного пособия «Человек в Коране и доисламской поэзии», изданного Санкт-Петербургским государственным университетом и Президентской библиотекой¹⁰ (совместно с Е. А. Резваном, авторская часть: главы III–V, 9 а. л.), а также в 12 научных публикациях на английском, русском и украинском языках общим объемом 6,6 а. л., в том числе в пяти статьях в журнале “Manuscripta Orientalia” (входит в базу SCOPUS с 2016 г., до этого – в списке ВАК), а также в материалах российских и зарубежных конференций.

Некоторые результаты работы были апробированы в рамках семинарских занятий в Департаменте востоковедения НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге («Коран и корановедение: современные исследовательские подходы и методы», 2016–2017 гг.). Совместно с Е. А. Резваном подготовлены лекции по коранической этнографии в рамках курса «Актуальная этнология» (Департамент истории НИУ ВШЭ, 2018–2019 гг.).

Важным предварительным этапом работы над темой диссертационного исследования стала подготовка интернет-ресурса «Лексико-грамматический строй Корана (пословный лексико-грамматический анализ текста Корана)» (275 а. л.)¹¹.

Структура диссертации. Настоящая диссертация структурирована в три главы с разделами в соответствии с поставленными выше задачами, содержит оглавление, введение, заключение, положения, выносимые на защиту, список литературы, описание системы транскрипции и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дана общая характеристика работы: обоснован выбор темы и её актуальность, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи, изложены теоретико-методологические основы диссертации, аргументированы её научная новизна и практическая значимость.

Глава 1 состоит из трёх разделов: «Человек, люди, мужчина, женщина», «Одежда», «Украшения». Источники показывают, что социальные и идеологические процессы, имевшие место в Аравии на рубеже VI–VII вв., нашли отражение в изменении содержания традиционных этноконсолидирующих и этнодифференцирующих факторов, а также ключевых представлений о человеке, мужчине и женщине. Под воздействием новых экономических и идеологических факторов картина мира менялась, но в её основе продолжал сохраняться комплекс базовых представлений, характерных для доисламской Аравии.

¹⁰ Кудрявцева А. Ю., Резван Е. А. Человек в Коране и доисламской поэзии: учебное пособие. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Президентская библиотека, 2016.

¹¹ Кудрявцева А. Ю. Лексико-грамматический строй Корана (пословный лексико-грамматический анализ текста Корана). Электронный ресурс. URL: http://kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/islam/corpuscoranicum_petropolitana/ [дата обращения: 10.08.2018].

Одежда в целом и все её элементы в частности – результат многовекового взаимодействия человека с природной и социальной средой, история костюма является отражением изменений в культурной традиции народа, передаваемой в материально-изобразительной форме. Одежда как знаковая система выполняет этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции, а становление традиционного типа одежды есть отражение степени консолидации этноса. Во втором разделе подробно рассматриваются материалы и типы одежды, характерной для Аравии периода возникновения ислама, равно как и серия социальных норм, связанная с одеждой и зафиксированная текстом Корана. Многовековое арабийское соперничество Рима и Парфии, Персии и Византии не могло не найти отражения в бытовой культуре жителей полуострова в целом, перенявших ряд элементов обеих цивилизационных парадигм и ко времени пророка уже давно считавших их своими.

В доисламской и раннеисламской Аравии неотъемлемым дополнением к одежде являлся и стандартный комплекс ювелирных украшений, рассматриваемый в тесном соотношении с функцией костюма. Арабийские ювелирные традиции сложились в результате многовекового взаимодействия жителей Аравии с окружающими полуостров цивилизациями. Существовавшие с древности значительные объёмы добычи и распространение драгоценных металлов способствовали развитию ювелирики и декоративных ремёсел во всех регионах полуострова. Традиционные украшения обычно осуществляют функции маркера имущественного, возрастного и территориального различий. Их характер менялся с возрастом и статусом человека. На нашем материале мы не в состоянии выявить весь комплекс их функциональных связей с повседневной жизнью и её важнейшими событиями. В то же время Коран и тексты доисламских поэтов предоставляют в наше распоряжение целый ряд элементов «мозаики», которая в целом виде на данном этапе развития науки остается недоступной для нас.

Глава 2 состоит из четырёх разделов: «Территориальные единицы и типы поселений», «Типы жилищ (переносные и временные)», «Типы жилищ (стационарные)» и «Земной образ рая».

Аравия времён пророка «состояла» из племенных миров, традиционных территорий обитания или кочевания отдельных племенных групп. При этом текст Корана фиксирует существование и развитие смутного представления о некоем, ещё не получившем общего названия, «едином этногеографическом массиве» (П. А. Грязневич).

Мир Корана – это, прежде всего, мир горожанина, занятого торговлей и возделыванием земли. Участие в торговых караванах, их организация требовали знаний, связанных с кочевым миром, и горожане этими знаниями владели с детства, считали их своими. Это, впрочем, не отменяет и существования антагонизма по линии «кочевые – оседлые», проявления которого мы встречаем в Коране в самых разных формах. Несомненно и то, что материальная культура оседлого населения, значительно отличалась от материальной культуры кочевников. При этом вариантов кочевого образа жизни всегда существовало великое множество, не меньше чем степеней оседлости. В этой главе подробно рассмотрены зафиксированные Кораном территориальные единицы и типы поселений, типы переносных, временных и стационарных жилищ.

Анализ информации лишь по важнейшим из сохранившихся замков, возведённых примерно между 660 и 750 гг. на территории нынешних Сирии, Иордании, Израиля и Палестинской автономии, показывает, что спустя лишь несколько десятилетий после смерти пророка халифы-Умаййады создавали себе здесь «рай земной». При этом в строительстве и оформлении замков активно использовались технологии, материалы и предметы, которые были привычными и до ислама. Сопоставление существующих археологических материалов с текстами Корана показывает, что *āyat*ы, живописующие «райский быт» отражали реальные представления слушателей пророка о роскоши и удовольствиях.

Глава 3 состоит из четырёх разделов «Социальная и хозяйственная организация», «Животные и их роль в хозяйственном обороте», «Система питания».

Оседлый и кочевой миры Аравии органично дополняли друг друга, обеспечивая важнейший для жизнеобеспечения товарообмен, играя взаимодополняющие роли в хозяйственном разделении труда и обеспечении трансаравийских транспортных коммуникаций. Текст Корана фиксирует появление развитых представлений о стратифицированности сверхъестественного мира, что стало отражением реального и осознаваемого социально-имущественного расслоения в обществе.

Согласно Корану чистая вода – универсальная субстанция, совершенно необходимая для поддержания земной жизни. В этой главе подробно рассмотрены отражённые в Коране представления о воде, системы орошения, обеспечивавшие существование в условиях аридного климата достаточно интенсивных систем землепользования (раздел 1), типы садовой и оазисной организации, роль финиковой пальмы, других культурных деревьев и зерновых (раздел 2).

Коран содержит около двухсот контекстов, так или иначе связанных с животными. Раздел 3 посвящён роли стадных животных (верблюдов, лошадей, мулов, ослов, крупного и мелкого рогатого скота) в хозяйственном обороте, а также охоте.

В разделе 4 на материалах Корана и доисламской поэзии предпринята попытка реконструкции элементов системы питания. Подробно анализируются представления о голоде, пищевые запреты и диетические предписания, использование продуктов кочевого скотоводства и мяса птиц, мёда, продуктов земледелия, а также способы приготовления пищи.

В **Заключении** отмечается, что основой предложенных реконструкций стало понимание того, что основным адресатом коранических проповедей были жители городов и оазисов. Если быть более точным, это *ахл ал-курā* («жители поселений, расположенных на караванных маршрутах»). Мухаммад, равно как и упомянутые в Коране пророки, праведники и страстотерпцы, герои и мудрецы, сам вышел из этой среды, и именно «жители торговых селений» вместе с ним и «под себя» создавали ислам как новую религиозно-политическую систему. Коран предоставляет нам бесчисленные примеры описания образа жизни *ахл ал-курā*. Даже переносные конструкции, палатки различного типа упомянуты в Коране в контекстах, свидетельствующих об их использовании в пространстве оседлых поселений. Сегодня мы можем себе отчётливо представить не только основной круг занятий современников пророка, но и то, чем они питались и как одевались. В последнем случае мы вновь отмечаем влияние персидской и средиземноморской культур.

Особенности аравийской повседневности указанного периода свидетельствуют о том, что, несмотря на серьёзные и крайне отрицательные для Аравии изменения в торговой и политической конъюнктуре, которые во многом и послужили причинами возникновения здесь нового религиозного движения, уровень развития в рамках «большого транспортного коридора» тем не менее продолжал оставаться близким соответствующему уровню цивилизаций, граничивших с полуостровом на северо-западе и востоке. Поскольку торговые пути в древности играли ключевую роль в обмене знаниями, очевидно, что территории, активно участвовавшие в транзитной торговле, имели здесь преимущество перед всеми остальными.

Наконец, именно тогда в Аравии возникла идеология, успешно доказавшая свою «конкурентоспособность» в схватке за умы и души адептов других, более древних и развитых религиозных систем. Ислам побеждал легко потому, что его предписания, образы, сказания по большей части были «своими» на всем громадном пространстве посреднической торговли, расположенном вдоль важнейших ветвей Пути благовоний.

Полученные результаты исследования позволяют выявить многие особенности живых и противоречивых процессов, которые шли в обществе оседлых центров Аравии накануне возникновения ислама и во многом сформировали тот его первоначальный облик,

который позволил в самые короткие сроки создать огромное мусульманское государство, раскинувшееся от Пиренеев до Китая.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

1. Лексика Корана – важнейший источник по этнографии повседневности Аравии рубежа VI–VII вв. Нам представляется, что предложенный подход, основанный на принципе «Коран объясняет сам себя» и использующий сравнительный контекстовый и диахронный анализ лексико-семантических групп языка Корана на основе сопоставления с языковым материалом эпохи (VI–VII вв.) и общесемитским лексическим фондом, убедительно показал свою эффективность.

С помощью анализа коранической терминологии выделены и проанализированы три важнейших области материальной культуры жителей Аравии рубежа VI–VII вв.: одежда, жилище, система обеспечения (природно-хозяйственная деятельность и питание). Принципиальной сложностью являются базовые различия современной картины мира и картины мира, свойственной человеку эпохи Мухаммада. Самое членение мира происходило тогда на совершенно других основаниях, часто малопонятных нам сегодня. Между тем, анализ выявленных в тексте Корана лексико-семантических групп позволяет приблизиться к расшифровке элементов картины мира, субъективной стороны культуры жителей Аравии той поры.

2. Анализ мировидения жителя Аравии эпохи становления ислама, той картины мира, которая создавалась в процессе во многом революционной социокультурной практики показывает, что с утверждением монотеизма, новых социальных институтов и этико-культурных норм были переосмыслены и обеспечены божественной санкцией многие положения *мурӯӯуы*, и *‘асабиййи*, равно как и идеальные образы мужчины и женщины. В новых условиях были, безусловно, востребованы новый счёт «родства по вере» и обязанность его превознесения, заявление о собственном превосходстве, представление о чести, ратная доблесть и презрение к опасности, терпение и самоконтроль, щедрость по отношению к мусульманам и гостеприимство. Доисламские и раннеисламские поэты, с одной стороны, возвеличивают внутренние качества великодушных и отважных мужчин, участвующих в сражениях во славу своего племени и дела пророка, а с другой – воссоздают внешний облик «идеальной аравитянки», чья красота во многом обусловлена защищенным, размеренным и сытым образом жизни, а следовательно и высоким социальным статусом, который создают для нее деятельные мужчины. Помимо определённых физических качеств неотъемлемой частью женского образа считался источаемый ею аромат, особая манера ношения одежды, ювелирные украшения и непременно юный возраст. Имеющиеся характеристики позволяют говорить не столько о визуальном, сколько о кинестетическом образе идеального женского тела – плотного и объёмного, неспешно передвигающегося в пространстве, при этом сладостного и благоуханного. Вероятно, именно такое представление должно было складываться в сознании слушателей пророка о сотворённых и предназначенных для праведников обитательницах рая, обозначаемых в Коране целым рядом терминов, в том числе и *хӯр*. Принципиальное отличие обитательниц рая от чувственных доисламских чаровниц состоит в том, что в рамках комплекса представлений, закреплённых текстом Корана, детальное описание тектоники «неземных» дев отсутствует, их внешний облик «сокрыт за завесой», на передний план выдвигается их главный атрибут – обращённый лишь на супруга взор удивительно выразительных очей, в котором сосредоточена их драгоценная девственная красота. Тем не менее, анализ коранического текста показывает, что для богобоязненных последователей пророка, стремившихся избегать соблазнов земной «любви страстей», сотворены девственницы (*абкәр*) с выступающими бугорками груди (*каӯә ‘иб*), чья страстность сдерживается стыдливостью (*уруб*), сверстницы (*атрәб*) – одинакового, лучшего возраста, образ которых был создан аравийскими поэтами.

3. Три вида шерсти, упоминаемые Кораном – *асӯәф* (овечья шерсть), *аӯбәр* (верблюжья шерсть) и *аш ‘әр* (козья шерсть) – являлись основным сырьём текстильного производства во всей Аравии. Прядение и ткачество практиковалось как оседлым, так и коче-

вым населением. В Аравии были хорошо известны одеяния из шёлка (*харīр*) и разные виды шёлковой ткани (*сундус*, *истабрақ*), привозимые с разных направлений и считавшиеся одним из проявлений роскошной жизни. При этом *сундус* это по преимуществу византийский, а *истабрақ* – персидский шёлк. Ткани и одежда жителей Внутренней Аравии времен пророка по происхождению и стоимости делились на три категории: грубые домотканые (шерсть), привозные йеменские (хлопок, шерсть – дорогие, но доступные) и привозные персидские и византийские (малодоступные окрашенные шерстяные ткани и различные виды шёлка).

4. В языке Корана выявлено пять терминов, обозначающих одежду: *дис̣ār*, *камīс*, *джилбāб*, *химār*, *саўб* и *сирбāl*. Все эти термины являются членами одной лексико-семантической группы с родовым понятием *либās* (одежда). В том случае, когда в Коране говорится об одежде в её стоимостном измерении, используется термин *кисʿа*. *Дис̣ār* – верхняя одежда, представляющая собой кусок материи, в который заворачивались мужчины. Нижнюю рубаху (*камīс*) носили и мужчины, и женщины, и дети. Термин *джилбāб* в Коране используется для обозначения широких и длинных женских накидок. *Саўб* (мн. *сийāб*) – основной предмет традиционной тканой одежды как кочевника, так и городского жителя Аравии. По своему покрою *саўб* – аравийский извод туникообразного базового вида одежды, возникшего в начале I тыс. до н. э. и распространённого по всему Средиземноморью. *Сирбāl* – предмет верхней одежды, род куртки. Термин иранского происхождения может обозначать как собственно «куртку», так и «кольчатый военный доспех». По крайней мере с начала нашей эры в Аравии отчётливо прослеживается влияние внешних культур: аравитяне, жившие вдоль границ Сирии, в одежде следовали эллинистическим традициям, которые проникали и вглубь полуострова; с другой стороны правители месопотамской Хатры на статуях одеты по парфянской моде (хитон, накидка с рукавами, иногда штаны). Одежда жителей Внутренней Аравии, зафиксированная коранической терминологией, представляет по большей части варианты аравийского извода туникообразного базового вида одежды, распространённого по всему Средиземноморью. В то же время имеющиеся археологические материалы, синхронная Корану иконография сохранившихся изображений разного рода показывают, что в этот период широкая римско-византийская туника несомненно соседствовала в Аравии с сāsанидским костюмом, связанным с кочевыми традициями Центральной Азии. Сложение традиционного костюма, который на протяжении многих веков ассоциировался с жителями Аравии, произошло уже в ходе формирования в Халифате собственной социально-нормативной системы.

5. Для обозначения украшений в Коране ключевыми являются термины *хилйа* (собир., ед. *халй*, мн. *хулийй*) и *зйна*. Родовое понятие *хилйа* от корневой основы *х-л-й* с базовым значением «дарить украшения женщине» включает в себя как исходный материал (жемчуг и кораллы), так и результат труда ювелиров. Специфика употребления понятия *зйна* (украшение) связана в первую очередь с областью значений корневой основы *з-й-н* «приукрашаться», «представлять в лучшем свете», «хвалиться чем-либо». Браслеты из золота в Коране – мнимый символ права на верховную власть, в чём, несомненно, прослеживается знакомство с соответствующими традициями соседей. Жемчуг (*лу'лу'*), красный коралл (*марджāн*) и прозрачный гиацинт (*йāқūt*) становятся в Коране важнейшими элементами райских украшений. Коран и доисламская поэзия свидетельствуют не просто о знакомстве жителей Аравии с дорогой привозной одеждой и тканями, с разнообразными драгоценными изделиями, которые завозились в Аравию или же выполнялись здесь с использованием драгоценных металлов и камней. Ко времени пророка и то и другое давно находилось в обиходе богатых жителей и жительниц аравийских городов, которые в этом отношении, по-видимому, мало отличались от городских центров, прилегавших к Аравии византийских и сāsанидских провинций. Кораническая проповедь естественным образом превращает дорогостоящие предметы в важную часть посмертного вознаграждения праведников.

6. В Коране зафиксирован ряд терминов с общим значением места прекращения движения – стоянки/стойбища, таких как *ма'ӯя̄*, *ма'аб̄*, *муба'ӯя̄*, *мас'ӯя̄*, *мак'ил*, *муқ'ам*, *маф'аза*, *мултахад*, *нузул*, *манзил*, в основном встречающихся в эсхатологических сюжетах. Термины, которые в поэзии могут использоваться для обозначения стоянки/стойбища, имеют в Коране либо нейтральные значения, либо используются для обозначения мест оседлого поселения. Термин *қарйа* (мн. *қурā*), семантика корневой основы которого связана с представлением о месте, имеющем водный источник, в Коране обозначает, в первую очередь, поселение, расположенное на одном из караванных маршрутов. Термин сиро-арамейского происхождения *мад'йна* в Коране обозначает, прежде всего, города соседних с Аравией государств. Он используется для противопоставления Йасриба (*мад'йна*), Мекке (*умм ал-қурā*). При этом подчёркивается, что новое местопребывание Мухаммада после *хиджры* обрело статус «города посланника Аллāха».

7. В Коране в лексико-семантическую группу «жилище» с родовым понятием *байт* входит серия терминов, представляющих многообразие построек, характерных для кочевого и оседлого населения Аравии. Это собственно *байт*, а также *сурāдиқ*, *хайма*, *ур'уш* (ед. *ар'иш*), *худжра*, *зулла*, *бунйāн*, *бинā'*, *хисн*, *сйса*, *бурдж*, *сарх* и *қаср*. Термин *байт* как понятие родовое «покрывает» всё это многообразие. Ему во многом близок и термин *маскан* (мн. *масакин*) с нейтральным значением «жилище». Из переносных и временных жилищ в Коране косвенным образом упомянуты круглые по своей форме палатки из красной кожи (*тирāф*, *қубба*). Заимствованный из персидского термин *сурāдиқ* обозначает полотняный навес у входа в здание, натянутый над внутренним двором дома, или ограду без крыши. *Хайма* представляла собой предназначенную для сезонного проживания лёгкую каркасную постройку, сооружённую из жердей и устланную сверху различными материалами (от пальмовых листьев или длинных стеблей до тканевых полотнищ). Стены такого сооружения (палатки или шалаша) могли быть как тканевыми, так и из плетёного кустарника. Они могли служить элементом рыночной инфраструктуры или обозначать водружаемый на верблюда кузов из жердей, в котором путешествовали женщины. Термин *худжра* мог использоваться для обозначения помещений и построек самого разного типа, общим для которых было использование в конструкции веревок и жердей, термин *зулла* (мн. *зулал*), по-видимому, – простейший навес из пальмовых веток. Анализ серии коранических терминов, связанных с обозначением мобильных, легко разбираемых построек, указывает на то, что такие постройки (палатки, навесы, выгородки различного типа) составляли важную часть жилого пространства оседлых поселений, соседствуя со стационарными жилищами и дополняя их. Известная нам по описаниям европейских путешественников традиционная чёрная прямоугольная бедуинская палатка из волоса или шерсти (*байт аш-ша'р*) существовала во времена пророка в виде различных вариантов каркасных построек (*хайма*). Судя по всему, стандартный облик такой палатки ещё не сформировался окончательно, но принципы, лежавшие как в её конструкции, так и в организации жилого пространства, в той или иной степени, несомненно, реализовывались при возведении разного рода каркасных и навесных конструкций, упомянутых в Коране.

8. В Коране используется семь терминов для обозначения стационарных жилищ – *бунйāн*, *бинā'*, *хисн*, *сйса*, *бурдж*, *сарх* и *қаср*. Термин *бунйāн*, восходящий к корневой основе *б-н-й* с базовым значением «строить», «возводить», «сооружать», употреблялся в нейтральном значении (строение, сооружение, постройка). Вторым термином, восходящим к той же корневой основе, является *бинā'* (свод). Большую часть среди терминов, обозначающих в Коране «городские постройки», составляют в первую очередь названия жилищ укреплённых: термин *хисн* (укрепление) обозначает по преимуществу укрепленный квартал; термин *сйса* (твердыня) в Коране обозначает укрепления в Йасрибе, находившиеся в квартале, принадлежавшем иудейскому племени бану қурайза; укреплённые башни обозначались термином *бурдж* (от др.-греч. *πύργος*); термин *сарх* (дворец), восходящий к корневой основе *с-р-х* со значением «становиться ясным,

обозримым на фоне чего-либо», вероятно, обозначал иноземные, византийские или персидские постройки; термин *қаср*, (из лат. *castrum* через греческий и арамейский) обозначал в Коране каменное укреплённое жилище, замок. Именно так назывались величественные постройки, восходящие к набатейско-римскому наследию и сохранившиеся на северо-западе Аравии. Подобные сооружения являли собой образец роскоши и, наряду с садами, обещаны праведникам в раю. В этих замках праведников ждут восхищающие богатством убранством «горницы, выше которых горницы, сооруженные (*ғурафун мин фаўқи-хā ғуруфун мубаййинатун*)».

9. Коран свидетельствует о том, что жители Мекки отчётливо представляли себе, как выглядят роскошные дворцы с «серебряными потолками» (*сукуф мин фидда*), «лестницами» (*ма'āридж*) и «дверями» (*абўаб*), ведущими в покои, уставленные ложами (*сурур*) и украшенные цветными орнаментами (*зухруф*). Образцами таких сооружений служат умаййадские замки, которые, как правило, были перестроены/реконструированы с использованием основ набатейских, римских и византийских построек и были схожи с последними по своим архитектурным решениям. Условный «усреднённый замок» представляет собой квадратную в плане двухэтажную постройку с почти глухими внешними стенами, прорезанными небольшими окнами-бойницами. Стены укреплены круглыми башнями по углам и полукруглыми башнями в центральной части каждой из стен, кроме стены с главным входом. Последний обычно обрамлён двумя полукруглыми башнями. Внутри стен по периметру на двух уровнях расположены помещения разного назначения. Доступ к ним обеспечивается минимум двумя лестницами. Помещения часто имеют сводчатые потолки, ниши разного назначения. Стены, обращённые внутрь двора, украшены портиками и колоннадами. Отмечены жилые постройки, воспроизводящие это архитектурное решение, но уменьшенные по своей площади приблизительно вдвое. Основной строительный материал – песчаник. Активно использовались также базальт и сырцовый кирпич. В декоре широко использованы фрески, рельефы, мозаики, резьба по штукатурке, в которых отмечаются явные персидские влияния. В большинстве случаев замки строились в глубине оазиса и контролировали водные источники, часто имели ограждённую территорию, объединяющую парк при резиденции и посадки сельскохозяйственного назначения. Важный элемент комплекса – бани античного типа.

10. Рай в Коране представлен серией образов, обращённых к различной аудитории и воспроизводящих представления о стратифицированности мира земного: после смерти каждый праведник в зависимости от степени своей веры и заслуг перед исламом находилась на определенной ступени (*дараджа*): для «тех, кому дано знание», для «обладателей власти» были уготованы роскошные жилища (ср. описания умаййадских замков), для людей попроще и менее заслуженных – тенистые стоянки у прохладной воды. Коранический рай выражал представление об идеальном образе жизни, связанном, в первую очередь, с предметами роскоши, которые в основном обозначаются словами, заимствованными из среднеперсидского и арамейского языков и отражают реалии, характерные для дворов арабских княжеств, вассальных Сāsāнидам. Райские блаженства живописуются с помощью предметов, безусловно, известных жителям купеческой Мекки (иначе слушатели пророка просто бы не поняли, о чём речь). Изменение «качества жизни» основано на обилии дорогостоящих предметов, интенсивности удовольствий. Совпадение образов коранического рая с образами, представленными сāsāнидской торевтикой, как и серия профильных лексических заимствований, ещё раз указывают на зависимые от сāsāнидского Ирана пограничные аравийские княжества в качестве одного из основных источников как предметов, так и представлений о предметах роскоши, бытовавших в Мекке времён пророка. В оседлой среде практически по всей территории Аравии были распространены во многом общие архитектурные решения, связанные с наследием как Nabatei, Рима и Византии, так и сāsāнидского Ирана. То же самое можно сказать и об оформлении интерьеров богатых жилищ.

11. Древние поля и сады, обнаруженные в оазисах Хиджаза и вдоль прибрежной равнины Тихама, сохранившиеся образцы ирригационных сооружений – каменные плотины, акведуки и цистерны ал-Хиджра (Мадā'ин Сāлих), такие колодцы, как знаменитый облицованный прочной каменной кладкой Би'р ал-Хаддāдж в Таймā', руины 15 дамб в районе ат-Тā'ифа, высокоразвитая система ирригации в ал-'Улā подтверждают содержащиеся в Коране и доисламской поэзии сведения о высоком уровне гидрологической компетенции аравитян. Они сумели разработать сложные методы сбора, хранения, отвода и распределения дождевой воды, которые подразумевали не только отличное знание динамики русловых и подземных потоков, но демонстрировали способность координировать трудовые ресурсы, необходимые для строительства, эксплуатации и технического обслуживания сложных мелиоративных систем.

12. Семантические поля коранических терминов, которые обычно переводят как «сад» (*джанна*, *хадйқа*, *раўда* и *сарйм*), включают в себе ряд признаков, вскрываемых лишь контекстным анализом и в значительной части не совпадающих с теми, которые очевидны для нас сегодня. Термин *джанна* имеет наиболее широкое общее значение «сад», но в первую очередь обозначает «возделываемый, культурный сад», термин *хадйқа* – это в первую очередь пространство с деревьями, покрытыми сочной молодой зеленью, не важно культурной или дикой; *раўда* – зелёное пространство, окружённое возвышенностью и изобилующее водой, низина, луг; *сарйм* – сад, плоды которого сняты. Праведникам в Коране обещаны не только плодовые сады, но и луга, полные живительной влаги. Коранические фрагменты, посвящённые садам, отражают многовековой опыт оазисного садоводства. Обрабатываемые земли аравийского оазиса обычно расположены вне застроенной территории. Окруженные низкими каменными или глинобитными стенами, плодовые сады простираются вплоть до границы с пустыней и часто находятся на значительном расстоянии от жилища владельца. Земляные насыпи, в которых проходят оросительные каналы, разграничивают возделываемые площади друг от друга и делят их на полосы. Посаженные вдоль каналов финиковые пальмы служили опорой виноградным лозам и давали тень фруктовым деревьям и злаковым культурам, высеваемым внутри садовых участков. Подобные комбинированные системы посадок активно используются в Аравии и сегодня.

13. Лексика Корана фиксирует богатство номенклатуры, связанной с финиковой пальмой (соби́р. *нахл*, и. ед. *нахла*, мн. *нахйл*), которая не уступает соответствующей номенклатуре, касающейся верблюдоводства. Так, *лйна* – это вид йасрибских пальм, финики которых по мере созревания резко изменяют свой цвет. Для обозначения ствола пальмы в Коране используются два термина *а'джāз* (ед. *'аджўз*) и *джиз'* (мн. *джузў'*). Ряд терминов обозначает элементы системы размножения и плодоношения женской пальмы. *Тал'* – соцветие с утолщенной осью (початок), окруженное обёрткой, кроющими листьями *акмām* (ед. *кумм*). *Кинўāн* (финиковые соплодия) характеризуются в Коране как «близко спускающиеся» (*дāнийā*) так же, как и виноградные соплодия *кутўф*. *Джанā* – поспевающие финики, *рутаб* – свежие, сочные финики как противопоставление высушенным плодам *тамр*. Термин *'урджўн* обозначает засохшую пальмовую ветвь, с которой сняты плоды. *Наўā* – финиковое ядро. На верхней стороне жёсткого ядра имеется прорезь по всей длине. В этой выемке *накйр* находится тонкая нить *фатйл*, которая удерживает тонкую мембрану *китмир*, окружающую всё ядро.

14. Терминологическим разнообразием отличается земледельческий пласт текста Корана, отражающий все основные этапы производства злаковых культур: *хабб* (соби́р.), *хабба* (и. ед.) – зерно, семя; *сунбул* (соби́р.), *санāбил* (мн.); *сунбула* (и. ед.), *сунбулāt* (мн.) – колос, колосья; *'асф* – листья, окружающие колос; *шат'* – побег, росток; *асāра* (IV) – приводить в движение; пахать; *хараса* – пахать, возделывать землю; работать; *харс* – вспахивание, возделывание земли; обрабатываемая земля, пашня; посев; награда; урожай; *зара'a* – сеять, сажать; пахать; возделывать, обрабатывать; *зар'* – посев; растение; хлеба, травы; *зуррā'* (ед. *зāри'*) – сеятели; земледельцы; *хасада* – косить, жать, снимать,

собирать жатву; *ḥaṣād* – жатва; время жатвы; *ḥaṣīd* – урожай; жнивье. Включённость в образную систему Корана множества тропов, связанных с зерном и посевами, свидетельствует о важности для слушателей пророка этих элементов окружавшей действительности.

15. В Коране в лексико-семантическую группу, объединённую родовым понятием *ибил*, входит 16 терминов: *ибил*, *джамал* (мн. *джимāла*), *нāқа*, *ба'ūr*, *'ишār*, *дāмир*, *рикāб*, *хамūла*, *фарш*, *бахīра*, *сā'уба*, *ўасīла*, *хāmī*, *будн*, *хадī*, *хīm*. Термин *ибил* обозначает верблюдов в их совокупной множественности, *нāқа* относится к верблюдице четырех-пяти лет, в первую очередь предназначенной для верховой езды, *ба'ūr* – общее обозначение для вьючного верблюда, *'ишār* (ед. *'ушарā*) обозначает «верблюдиц на десятом месяце беременности». Эпитет *дāмир* (букв. «с худощавыми боками») в равной степени может относиться к любому верховому животному (в поэзии, например, к боевому коню). Термин *рикāб* обозначает верховых верблюдов, *хамūла* обозначает верблюдов, предназначенных для транспортировки грузов, которым противопоставляются *фарш* – животные, дающие молоко, мясо которых пригодно в пищу. Они же, вероятно, предназначались и для сельскохозяйственных, либо ирригационных работ. Термины *бахīра*, *сā'уба*, *ўасīла*, *хāmī*, *будн* обозначают животных, так или иначе связанных с ритуалами жертвы и посвящения. В число жертвенных животных (*хадī*), несомненно, входили и верблюды. Текст Корана демонстрирует глубокую вовлечённость в жизнь кочевников-скотоводов. При этом во многих случаях лексика кочевого быта имеет отрицательные коннотации.

16. Согласно Корану лошадь занимает место среди наивысших, но преходящих ценностей этого мира. Собирательный термин *хайл*, единственный в Коране для обозначения лошади, употребляется в основном при описании военных действий. «Меченые кони» (*ал-хайл ал-мусаўўама*) обладают набором физических признаков, особенно ценных в бою. Коран и мусульманское предание свидетельствуют о высокой оценке мулов (*биғāl*) и ослов (ед. *химār*, мн. *хамīр*, *хумур*), как транспортных животных (при том, что кочевники относились и относятся к ним с презрением). Во времена пророка отчетливо понималось функциональное различие между дикими и одомашненными осликами, что нашло своё отражение в пищевых запретах.

17. К кораническим терминам, обозначающим крупный рогатый скот, относятся *бақар* (собир.), *бақара* (и. ед.), *бақарāt* (мн.) и *'иджл*. Имеющийся материал позволяет предположить, что термин *'иджл*, связанный с ветхозаветной историей (т. е. с Великой Сирией и Египтом), обозначал безгорбых коров (*Bos taurus*), а термин *бақар* – зебу (*Bos indicus*), т. е. коров и быков африканского происхождения – небольших, но сильных и костистых, с характерным жировым горбом. Владение мелким рогатым скотом предполагает определённый образ жизни – полукочевой или оседлый, – и контексты фиксируют детальное знакомство аудитории Корана с соответствующими практиками. Мелкий рогатый скот (*ғанам*) представлен в Коране терминами *на'джа* (мн. *ни'адж*) (овцы-самки от трёх до семи лет), *да'н* (овцы) и *ма'з* (козы). В целом Коран и здесь демонстрирует естественную вовлечённость жителей оседлых центров в жизнь кочевников-скотоводов.

18. В Коране можно выделить целый ряд сюжетных линий, в которых тем или иным образом отражена тема пищи и питания:

- пища и питье как знамение созидательного могущества Господа – Кормителя;
- пищевые предписания и запреты;
- социально-этические нормы (обеспечение питанием нуждающихся, соблюдение умеренности в еде и питье и т.п.);
- пища и питье в раю и аду;
- пища как сущностный признак (Бог не нуждается в жертвоприношении, но Его посланники обладают человеческой природой со всеми её потребностями);

– пища в повествованиях о таких ветхо- и новозаветных персонажах, как Адам, Мӯса, Йӯсуф, Ёса, и Марйам.

Алиментарные образы играют важнейшую роль в кораническом дискурсе о посмертном воздаянии: это касается как условного «приготовления пищи» на огне, так и самих «яств», ожидающих грешников в аду и праведников в раю. При этом анализ коранических сюжетов этого рода и соответствующей лексики позволяет в некоторой степени описать бытовые реалии общества Аравии времён пророка, в том числе связанные с голодом (выживаемость популяции и «социальное регулирование» внутри племенной общности) и игрой *майсур* – важнейшей нормой бескорыстной и безвозмездной помощи голодающим сородичам в доисламской Аравии, которая была запрещена Кораном как антагонистичная *закātu* и несовместимая с исламской этикой. Текст Корана демонстрирует и амбивалентность символического значения вина, с одной стороны, обещая его праведникам в раю, а с другой – налагая на него запрет в земной жизни (винопитие и *майсур* объединяются Кораном как части взаимосвязанной ритуальной практики). Описания рая поразительно напоминают сцены винопития доисламских поэтов, совместной трапезы, метафоры сакрального празднества и подтверждения собственной принадлежности к кровнородственной группе. Пищевые запреты в Коране, ставшие важной частью новой мусульманской идентичности, являют собой результат как многовековых процессов на Ближнем Востоке, так и полемики с язычеством, иудаизмом и христианством. Это – ещё одно важное свидетельство глубокой вовлеченности «жителей торговых селений» в религиозные и культурные процессы, характерные для сети транспортных коридоров, игравших в развитии Аравии ключевую роль.

19. Коран содержит упоминания ряда культурных растений: финиковой пальмы, виноградной лозы, гранатовых деревьев, оливы, инжира и овощей (змеевидная дыня, чечевица, лук и чеснок). Подробная номенклатура, указывающая на пальмоводство, производство злаковых культур (ячмень, крупный овёс, шедший на приготовление хлеба, дурра, пшеница, просо) и садоводство, несомненно, не менее богата, чем соответствующая номенклатура, связанная с животноводством. В рационе как оседлых, так и кочевых жителей Аравии времён пророка синхронно присутствовали несколько блюд из зерновых, представлявших ряд последовательных фаз эволюции питания: разного вида похлебки и каши, хлеб, испечённый из разного сырья и различным образом. Хлеб (*хубз*) особенно в кочевой среде считался пищей значительно более ценной и вкусной, чем сушёные финики (*тамр*), хлеб на закваске (*хамйр*) ценился как продукт плодородных земель Сирии. Важными элементами рациона были верблюжье, козье и овечье молоко, топлёное масло (*самн*), мясо мелкого рогатого скота. Мясо птиц (*лахм тайр*) в Коране – пища праведников в раю. Доисламская поэзия показывает, что в сознании кочевников домашняя птица непосредственно связана с оседлым образом жизни. Верблюжати́на была в первую очередь частью пиршественной трапезы. Мясо готовили на огне разными способами. В прибрежных районах важной частью рациона была рыба. В Аравии накануне зарождения ислама активно потреблялся мёд диких пчёл, существовала яркая и содержательная культура винопития, производились опьяняющие напитки из винограда и фиников. С учетом того, что значительные территории Внутренней Аравии принадлежали к зоне рискованного земледелия и голод был здесь хорошо знаком, нельзя не признать, что рацион жителей оседлых центров был в целом достаточно сбалансированным.

20. При том, что основным адресатом коранических проповедей были «жители поселений, расположенных на караванных маршрутах», противопоставление кочевому миру в Коране не выражено резко и прямо, но прекрасно прослеживается через негативные и позитивные коннотации в эсхатологических сюжетах. Если образная система, связанная с адом, построена на реалиях мира кочевого, то рай – это чудесный плодовый сад с роскошными дворцами, архитектура и убранство которых свидетельствуют о теснейшем взаимодействии со Средиземноморьем и Персией. Зафиксированные виды и формы одежды со-

временников пророка также позволяет говорить и о персидском, и о средиземноморском влияниях.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ
ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

Монография / учебное пособие:

Человек в Коране и доисламской поэзии: учебное пособие С.-Петербур. гос. ун-т. СПб.: Президентская библиотека, 2016 (совместно с Е. А. Резваном, авторская часть: главы III–V, 9 а. л.).

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки:

1. Mind, Soul, Spirit, Body... Bābā Afḍal and His Treatise *Madārij al-Kamāl* // Manuscripta Orientalia. 2011. Vol. 17. No. 1. P. 11–19 (1,2 а. л.).

2. Book Review: Dinah Jung. An Ethnography of Fragrance: the Perfumery Arts of ‘Adan/Lahj. Islamic History and Civilization. Studies and Texts. Ed. board S. Günther, W. Kadi. Vol. 84. Leiden – Boston: Brill, 2011. 284 pp. // Manuscripta Orientalia. 2011. Vol. 17 No. 2. P. 62–65 (0,5 а. л.).

3. Translation of the Qur’ān and Ethnography of Daily Life // Manuscripta Orientalia. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 19–25 (совместно с Е. А. Резваном, авторская часть 0,4 а. л.).

4. “And Thy Robes Purify!” – Clothes (*Libas*) in the Qur’an // Manuscripta Orientalia. 2014. Vol. 20. No. 1. P. 23–33 (1,4 а. л.).

5. “As if they were Jacinths and Coral” – Adornments (*Hilya, Zīna*) in the Qur’an // Manuscripta Orientalia. 2014. Vol. 20. No. 2. P. 10–17 (1 а. л.).

6. Earthly Maiden and Heavenly Maiden (on the Interpretation of the Image of Woman in Pre Islamic Poetry and the Qur’ān) // Manuscripta Orientalia. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 10–20 (0,7 а. л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

1. Новая работа по этнографии запахов // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 384–391 (0,5 а. л.).

2. Коран и история повседневности // Ислам в мультикультурном мире – 2012: Сборник материалов и тезисов 2-го Казанского международного научного форума. 29–31 окт. 2012 г. Казань: Арт-Лоджик, 2012. С. 64–66 (0,1 а. л.).

3. Лексика Корана как источник по материальной культуре Аравии рубежа VI–VII вв. // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 19 (0,04 а. л.).

4. Переклад Корану та етнографія повсякденності // Народна творчість та етнологія: № 4 / голов. ред. Г. Скрипник. Київ: НАНУ, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2013. С. 67–70 (совместно с Е. А. Резваном, авторская часть 0,4 а. л.).

5. Corpus Coranicum Petropolitana. I: Коран и этнография повседневности // Международная научно-практическая конференция «Развитие науки, образования и культуры независимого Казахстана в условиях глобальных вызовов современности», посвященная 70-летию Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова. Шымкент: ЮКГУ им. М. Ауэзова, 2013. С. 168–174 (совместно с Е. А. Резваном, авторская часть 0,3 а. л.).

6. Женщина живая и идеальная: Коран и доисламская поэзия об аравитянках времен пророка // Женщина и ислам: сб. ст. / под ред. А. К. Бустанова. М.: Дизарт Тим, 2017. С. 26–46 (совместно с Е. А. Резваном, авторская часть 0,5 а. л.).

Электронная публикация:

Лексико-грамматический строй Корана (пословный лексико-грамматический анализ текста Корана) (275 а. л.). URL: http://kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/islam/corpuscoranicum_petropolitana/.